

МИР ОБЛЮБОВАННЫЙ

Первую свою книжку ждешь, как рожденья первенца. Вдвойне горд молодой начинающий поэт, которому удалось дать имя своему первому «ребенку» согласно своим собственным представлениям о мире, им воспеваемом, и о слове, им облюбленном.

Анатолию Саулову из Кемерово, где вышла его «Земляника», под двадцать шесть. Он на подступах к самобытности. Его «Земляника» привлекает внимание своей свежестью, а порой и подлинной земною духовитостью. Слово и образ Анатолий Саулов чувствует крупно и естественно. Правда, я насчитал у него пока лишь четыре стройных, удавшихся по большому счету стихотворения. Но зато какие это чудесные стихи! А сколько не менее отличных строк рассыпано у кемеровского поэта по всей его книге — поистине что-то вроде земляничной поляны. Полюбуйтесь его «Отцом», послушайте его добрую, с лукавинкой речь...

...Но вот темнеет. Ставит лампу
Мать, молча глянув на часы.
И кот, облизывая лапу,
Мурлычет в пышные усы...

Выпукло, исчерпывающе прорисован портрет шкипера из одноименного стихотворения:

Любил поболтать он насчет
Друзей и характера русского.
И сам, от ветров краснощек,
Плотами командовал грузными.
А мимо текли берега,
Буксиры и сети рыбацкие.
И луч в бороде старика
Порой отражался ребячливо.
Как волны, за годом шел год,
И часто, склоняясь над чайником,
Решал он, что к сыну уйдет,
Тогда, мол, поплачут начальники.
Но вновь, от родни вдалеке,

Анатолий Саулов, Земляника. Кемеровское кн. изд-во, 1967.

Он плавал с одной лишь обидою —
Всю жизнь он провел на реке,
А моря ни разу не видывал.
Грустил он, по-старчески тих.
Кисет теребил свой сатиновый.
...Погиб он, спасая других,
На лодке, затертой льдинами.

Однако попутно и упрек автору: заметно, что я сократил стихи? По-моему, нет. А ведь я избавил стихотворение не от одной и не от двух строк. В «Землянике» немало подобных строк-«чешуек», которые, может быть, и необходимы для «завязи» ягод, но уж никак не идут сами в пищу. Вообще стихи Саулова весьма плохо отредактированы, что для первой книжки тем более обидно: как бы поощряется стремление «обнародовать» все, что вылилось из-под пера.

А оказать содействие в очищении зерна от попоны Анатолию Саулову было просто необходимо. Очень самостоятельна и колоритна образность поэта. Дзот у него, «хмуро щурясь, как старик, все еще глядит на запад», и разлита «такая тишь в округе, что хоть уши зажимай». Поэт чувствует, «как вздрагивают корни и землю в горсть сгребают под собой». В отсутствие лирического героя в городе его «телефон в комок свернулся, спит, как пес на привязи». Что можно сказать нового об эхе? Казалось бы, все сравнения исчерпаны. Но вот прочтешь — и уверуешь в неисчерпаемость поэтического: «Кувыркаясь, мчится эхо — зайцем — через голову».

Анатолий Саулов призывает товарища-стихотворца: «Прислушайся к русскому слову, поговоркам — из глубины пришли они...» При встрече с таким полновесным народным словом мы «как будто рождаемся снова», и на сердце становится, «так тихо и радостно, словно у матери старой в дому».

Умеет Анатолий Саулов быть и очень благозвучным, певучим, музыкальным:

Просят травы: «Загляни-ка,
Солнце росы выпило!»
Красным градом земляника
Заплясала, выпала...
Мне рассвет в глаза заглянет,
И меня, как мальчика,
Здесь, как мать, ладонью гладит
Даже мать-и-мачеха.

Пристально вслушивается поэт и в наше прошлое. Интересен замысел его полифонической «поэмы времен» «Утес на Волге», где автор осмысливает историю Руси от Бояна и разорения Рязани полчищами восточных пришельцев до панорамы Сталинградской битвы и картины утра 12 апреля 1961 года на космодроме Байконур.

Однако тут не найдено единого стержня, поэма распадается на отдельные стихотворения, очень часто сбивается на декларации и риторику, на запрограммированную автором «эпохальность».

Подчас покидает поэта чутье к слову и образу, и он выдает такие сомнительные перлы: «гудят, как ветви, плечи», «мы вращаем глазами в конспект» и пр. Говоря словами самого же А. Саулова, такие стихи можно писать «километрами и кубометрами», получится та самая «словесная руда», которой надо в процессе поэтической работы жертвовать «единого слова ради».

Эти недостатки — недостатки возмужания. В целом дебют оказался удачным, в основе книги — литература высокой пробы.

ИВАН ЛЫСЦОВ